

О некоторых сюжетных источниках «Капитанской дочки»

Александр Осповат
Москва–Лос Анжелес

1

На интересующую нас тему Пушкин высказался дважды. 25 октября 1836 г., отвечая на запрос П.А.Корсакова, цензурировавшего «Капитанскую дочку» (КД) для проектировавшегося отдельного издания, он сообщал:

Роман мой основан на предании<, > некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские<, > был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как видите, далеко ушел от истины.¹

Как уже давно установлено, в письме Корсакову содержится весьма осторожный (если не сказать — закамouflированный) намек на «анекдот о разрубл<енной> щеке», конспективная запись которого сохранилась в черновике «Замечаний о бунте». Его главные фигуры — известные буйны елизаветинской эпохи Алексей Орлов и разрубивший ему щеку в трактирной драке Александр Шванвич; когда переворот 1762 г. возвел первого на вершину власти, второй «почитал себя погибшим», однако граф Орлов обошелся с ним по-приятельски, а позднее даже «выпросил» у Екатерины II «смягчение приговора» Шванвичу-сыну, «по малодушию» примкнувшему к Пугачеву (IX: 479–480).² Аналогичная развязка предусматривалась в заключительных пунктах второго и третьего набросков плана КД (1832–1833).³

<...> Мол<одой> Шв<анвич> взят<.> — Отец едет просить<.> Орлов. Екатер<ина>. Дидерот — Казнь Пугачева (VIII: 929);

<...> Шв<анвич> привозит сына в П<етер>Б<ург>. Ор<лов> выпрашивает его прощение (*Там же*).

К лету или осени 1836 г. относится набросок недописанного предисловия к КД:

Анекдот<,> служащий основанием повести<,> нами издаваемой, известен в Оренбургском краю.

Читателю легко будет распозна<ть> нить истинного происхождения, проведенную сквозь вымыслы романические. А для нас это было бы излишним трудом. Мы решились написать сие предисловие с совсем другим намерением.

Несколько лет назад тому назад в одном из наших Альманахов напечатан был (VIII: 928; последняя фраза не закончена и зачеркнута).

Дискуссия по поводу этого фрагмента ведется до сих пор. Согласно точке зрения, закреплённой авторитетом Ю.Г.Оксмана, речь здесь идет о разных формах бытования одного и того же источника, путь к реконструкции которого подсказан в оборванном указании на альманашную публикацию оренбургского «анекдота». Начиная с 1930-х гг. его содержание восстанавливается по сопоставлению с новеллой А.П.Крюкова «Рассказ моей бабушки», увидевшей свет в *Невском альманаше на 1832 год* (С.-Петербург, 1832; подпись: А.К.).

Настя Шпагина, дочь рано овдовевшего коменданта одной из крепостей Оренбургской линии, обручена с молодым драгунским офицером Бравиным. Вскоре после того, как по делам службы Бравин отбыл в Оренбург, на крепость напала шайка пугачевцев. Капитан Шпагин погиб в бою, а Настю приютила старая мельничиха, переодев ее в крестьянский сарафан и выдав за свою внучку Акулину. На постой к мельничихе встали «эсаул» по прозвищу Топорик и сам атаман — «Панфил Саватеич» Хлопуша. Последнему настолько приглянулась девушка, что он, подговорив напарника, положил злодейскими средствами добиться цели. Однако мельничиха, спасая себя и Настю,

ловко разыграла сцены вмешательства нечистой силы: дважды ее работник вылезал из печи, выпачканный в золе и саже, и отпугивал разбойников. Во второй раз это случилось, когда крепость уже штурмовали правительственные войска; в их рядах находился и Бравин, за которого через год Настя вышла замуж.⁴

Представление о тематическом единстве пушкинского наброска было оспорено рядом исследователей. На их взгляд, этот фрагмент распадается на две части (границей служит концовка второго абзаца: *Мы решились написать сие предисловие с совсем иным намерением*), развернутые в стороны разных источников — устного, т.е. оренбургского «анекдота», и письменного, т.е. «Рассказа моей бабушки». В рамках такого подхода выдвинуты две гипотезы относительно содержания искомого «анекдота»: Петер Бранг склонен соотнести его с историей о молодом Шванвиче,⁵ а Ю.Д. Левин⁶ усматривает ключ для расшифровки в повести французского литератора Лекуэнта Делаво (*Lecointe de Laveau*), одновременно появившейся в оригинале и в русском переводе: *Dmitri et Nadejda, ou le Chateau d'Oural* (Moscou, 1808); *Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала* (Москва, 1808).

Действующими лицами повести являются граф Сергей Борозин, владеющий замком недалеко от Оренбурга (на берегу Урала), его дочь Надежда и однодворец Дмитрий, воспитанник графа. Молодые люди влюблены друг в друга, но ввиду сословного барьера их брак невозможен: Дмитрий в отчаянии удаляется из графского поместья. Владения Борозина захвачены Пугачевым, который приказывает сжечь замок и бросить в огонь хозяина и его дочь; в этот момент неожиданно появившийся Дмитрий обращается к самозванцу с речью: «Пугачев! Осудя их на смерть, ты отмстишь только в половину <...> согласишься отдать мне руку этой девицы, в которой отказал мне отец ее, и ты увидишь, что казнь их будет возобновляться ежедневно!» Пугачев велит обвенчать Дмитрия и Надежду, «с гнусными сквернословиями» и «диким смехом» исполняя роль посаженного отца. Затем толпа мятежников уходит из поместья, а Дмитрий объясняет Надежде и графу, что этой уловкой имел в виду спасти их обоих. Борозин не верит в чистоту его намерений и после разгрома мятежников едет в столицу «дабы испросить у Е.В. императрицы повеление об уничтожении принужденного брака дочери его». Между тем Дми-

трий, появившийся в Петербурге раньше графа, сам возбуждает аналогичное ходатайство; Борозин в одно время узнает и о добродетельном поступке своего бывшего воспитанника, и о том, что «вознаграждение» героического поведения во время мятежа Дмитрию «пожаловано дворянское достоинство и чин офицерский». В финале они вместе возвращаются в замок Борозина, где их ожидает Надежда.

Констатируя наличие мотивной переключки между этой повестью и КД (ср.: «*Что, ваше благородие?*» — сказал смеясь Пугачев. <...> *Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставит ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом...* — VIII: 356), Ю.Д.Левин не ограничился предположением о знакомстве Пушкина с произведением Лекуэнта Делава. По мнению исследователя, близость предисловных формул, использованных в пушкинском наброске и в переводе «Дмитрия и Надежды» («Сей роман основан на анекдоте, и, соединя в нем вымысел с истинною Историею, цель моя была сделать его занимательнейшим»⁷), свидетельствует о том, что оба автора опирались на «один и тот же» устный источник. Это — распространенный оренбургский анекдот «о Пугачеве и молодых влюбленных», который «Пушкин несомненно слышал <...> когда собирал материалы для своей „Истории Пугачева“». ⁸

2

Возвращаясь теперь к недописанному предисловию к КД, обратим внимание на логику перехода от первого абзаца ко второму. Иначе говоря, зададимся вопросом: как соотносится информация о распространении некоего «анекдота» именно в «Оренбургском краю» — и тезис о том, что *читателю* (отнюдь не только живущему в данной местности) *будет легко распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романические?* Возникающее здесь недоумение, на наш взгляд, может быть разрешено лишь в том случае, если выражение *истинное происшествие* понимать не в буквальном, но в терминологическом значении — как отсылку к подзаголовку целой группы текстов первой трети XIX в., который должен был удостоверить реальную основу сюжета, выглядевшего надуманным

или даже невероятным (см., например, новеллу В.И.Панаева «Отеческое наказание», послужившую одним из источников пушкинской «Метели») Иначе говоря, мы вправе отказаться от презумпции фольклорного происхождения оренбургского «анекдота», находящегося в фокусе первого абзаца, и усмотреть во втором абзаце намек на его литературную природу. Что же касается оборванной и зачеркнутой заключительной фразы, выделенной, как и первая фраза, в отдельный абзац, то она скорее всего обозначала переход к еще одному сюжетному источнику КД, каким действительно мог быть «Рассказ моей бабушки».

В пользу предложенного чтения говорит тот факт, что повесть Лекуэнта Делаво, обратившая на себя внимание Ю.Д.Левина, есть не что иное, как перелицовка назидательного рассказа («анекдота») из русской жизни, принадлежащего перу Бакуляра д'Арно (Baculard d'Arnaud) — писателя, имевшего довольно широкую аудиторию в последнюю треть XVIII в., но вошедшего в историю литературы прежде всего благодаря своей феноменальной плодовитости.⁹ Текст, который мы имеем в виду, был опубликован в 1785 г., в составе очередного тома одного из его многочисленных авторских сборников, под заголовком «Великодушный поселянин» («Le paysan généreux»).

Варвар Пугачев захватывает богатые владения барона***: хозяин и его сыновья растерзаны, старшая дочь, отданная на поругание разбойникам, кончает с собой. Младшей дочери по имени Прескавья (Prescavia) предложен выбор между участью сестры или казнью; она без колебаний готовится взойти на эшафот. В этот момент из толпы раздается голос Алексиса (Alexis), одного из крепостных барона: «Есть наказание страшнее — отдайте ее мне в жены». По приказу Пугачева совершено венчание; когда новобрачные оказываются в убогом жилище Алексиса, тот уверяет Прескавью, что, оставаясь верным рабом, желает лишь спасти невинность своей госпожи, а из ложного положения ее впоследствии выведет «наша Матушка» («*potre Mere*»). Алексис со всей предупредительностью ухаживает за Прескавьей; дождавшись известия об аресте Пугачева, он вверяет ее надежному попечению и отправляется в Петербург. Прескавья, преодолевая старания опекунов, пускается вслед за ним. В покоях императрицы они появляются почти одновременно: вслед за тем как Алексис умоляет императрицу расторгнуть его брак, она признается

в любви к своему спасителю и просит императрицу санкционировать их союз. Растроганная императрица проливает слезы; она дарует Алексису права *благородного* человека и благословляет супругов, которых затем ведут к алтарю.¹⁰

В плане изучения генезиса КД «Великодушный поселянин» представляет гораздо больший интерес, нежели «Дмитрий и Надежда». Во-первых, у Бакуляра д'Арно функции устроителя брака влюбленной пары распределены между Пугачевым и Екатериной II (издававший свою повесть в России, Лекуэнт Делаво, сообразуясь, по-видимому, с литературным этикетом и применяясь к цензурной практике, не вывел императрицу в числе действующих лиц, делегировав ее полномочия «правительству», фигурирующему, впрочем за сценой). Во-вторых, *la jeune Prescavia* — в отличие от Надежды — сирота, лишившаяся отца (и братьев) при захвате мятежниками родового имения. Наконец, героиня французского «анекдота» сама, без поддержки окружающих, проделывает путешествие в резиденцию Екатерины II, где апеллирует к высочайшей милости.

Этот последний мотив позволяет увидеть в *Прескавье* литературный прототип т.н. Параши-Сибирячки — «неустрашимой русской путешественницы» *Прасковьи* Луполовой (Лупаловой), история которой, расцвеченная в преданиях и беллетристических переложениях, снискала исключительную популярность в первой трети XIX в.¹¹

Фактическая основа этой истории такова. У офицера Григория Луполова, в 1798 г. разжалованного за некое преступление (казнокрадство?) и сосланного в Ишимскую округу (Тобольская губерния), — есть дочь Прасковья («девушка так себе, очень недурна лицом, честная и рукодельница»). Она просит родителей отпустить ее в Петербург, чтобы исходатайствовать отцу прощение. После долгих уговоров двадцатилетняя Прасковья пускается в путь «с одним рублем, с образом Божией Матери и с родительским благословением»; преодолев долгий и опасный путь, она достигает цели 5 августа 1804 г. В столице Прасковья находит благотворителей; ее прошение попадает в руки Александру I, который изрекает виновному помилование (27 декабря 1804 г.), а его дочери жалует 2000 рублей (12 апреля 1805 г.). Вскоре после того, во исполнение ранее принесенного обета, Прасковья удаляется в Десятинский девичий монастырь; там она и умирает в 1809 г.¹²

На этот сюжет, получивший широкое освещение в русской периодике,¹³ вскоре был написан роман Софи Коттен «Élizabeth; ou les exiles de Sibérie» (1806), причем появившийся через год русский перевод — «Елизавета Л*, или Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного» — имел подзаголовок «Истинное происшествие». Героиня Коттен, превратившаяся в дочь сосланного в Сибирь польского аристократа Станислава Потовского (Stanislas Potowsky¹⁴), пешком идет в Петербург, однако на подступах к Москве узнает, что новый император приехал сюда короноваться.¹⁵ В марте 1801 г. (в русском переводе дата исправлена на сентябрь) Елизавета входит в Москву; здесь она встречает влюбленного в нее сына тобольского губернатора, который облегчает ей доступ к императору. Тот был предубежден против Потовского, но, растроганный подвигом Елизаветы, прилюдно объявляет: «Я освобождаю твоего отца; я его прощаю». Вслед за тем Александр I возвращает изгнаннику «достоинства, чин и имение», а также приказывает снабдить Елизавету каретой и 1000 рублей на обратную дорогу.

В 1815 году вышла повесть Ксавье де Местра «La jeune Sibérienne» (1815; в позднейших русских переводах — «Молодая сибирячка»), начинающаяся с упрека в адрес предшественницы, которая окрасила подлинную историю в романтические цвета. Его героиня — Прасковья Луполова (Prascovie Lorouloff), напротив того, описана по житийным образцам: мысль просить о помиловании отца, малороссийского дворянина (родившегося в Венгрии), храбро воевавшего с турками и по неизвестным причинам сосланного в Тобольскую губернию, озирает ее во время молитвы, и на всем долгом пути она руководилась горячим, доходящим до аффекта религиозным чувством. Покровительство столичных филантропов открывает Прасковье доступ в кабинет императрицы-матери (Марии Федоровны), куда она является в своей обычной одежде и не интересуясь принятым в этой ситуации этикетом.¹⁶ Ободрив просительницу, императрица-мать вскоре приводит ее в покои царствующей четы; Александр I дарит девушке 5000 рублей и велит пересмотреть приговор, вынесенный ее отцу. После того, как помилование было получено, Прасковья, приняв пострижение в Киеве, отправилась в нижегородский монастырь.

Версия Ксавье де Местра отразилась в «Русской истории» Сергея Глинки, вышедшей тремя изданиями в конце 1810 — начале 1820-х гг. Дочь «венгерца», сосланного в Сибирь, «три года неотступно просила, чтобы отпустили ее в Петербург <...> В странствии своем,

борясь с различными бедствиями, она непрерывно повторяла: *Жив Бог, жива душа моя!* <...> Александр I изрек помилование отцу за добродетели дочери его. Лупалова удостоилась воззрения Императрицы Марии Федоровны. На помощь нежной дочери спешили все сердца, умеющие ценить и чувствовать силу любви и добродетели.¹⁷

Даже этот беглый обзор позволяет детализировать давнее наблюдение Л.И.Поливанова о сходстве «известного рассказа» о Параше-Сибирячке и заключительных сцен КД, варьирующееся в работах современных авторов.¹⁸ В повести де Местра (и сочинении Сергея Глинки) заслуживает внимания появление на сцене фигуры императрицы-матери, на встречу с которой героиня «Юной сибирячки» идет в своем обиходном платье (ср.: — *И как же вам ехать в дорожном платье?* <...> *Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чем ее застанут* — VIII: 373); в романе Коттен — политический характер преступления, совершенного отцом Елизаветы, а также то обстоятельство, что, направляясь в Петербург, она случайно попадает именно в то место, где находится монарх (ср.: *Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав, что Двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться* — VIII: 371). Сама же царскосельская тема КД отзывается новому сюжетному повороту в ‘Парашином тексте’, получившему развитие в ряде историй о хождениях ко Двору, предпринятых в Александровскую эпоху по примеру реальной или книжной Сибирячки.¹⁹

В середине 1810-х гг. некий крестьянин, явившийся «в бедном рубище» из Оренбурга для того, чтобы подать прошение вдовствующей императрице Марии Федоровне, «услышал слово благодати из священных уст ее»; Федор Глинка, описавший этот эпизод со ссылкой на аналогичный прием, оказанный императрицею «известной добродетельной девице Лупаловой», включил его в главу о Павловске, резиденции Марии Федоровны: возвращаясь с прогулки, она застаёт «у крыльца палат людей, которые пришли или взглянуть на государыню, или поклониться, или повергнуть к стопам ее челобитные свои»; «<в> будни вход всякому открыт: тут не по платью встречают».²⁰

Здесь мотив августейшей милости тесно связывается с «гением места», обеспечивающим неформальную атмосферу, в которой про-

ходят свидания государыни с подданными. В данном контексте Павловск предстает редупликацией Царского Села — излюбленной летней резиденции Екатерины II, где «она расставалась со скипетром и державою, покоилась от трудов...»²¹ и где, по многочисленным свидетельствам (см., среди прочих, мемуары Ф.Н.Голицына, Ф.П.Толстого, А.Е.Лабзиной), нечаянные встречи императрицы с прогуливающимися обывателями были в порядке вещей. Рефлексы этой традиции окрашивали некоторые периоды царствования ее старшего внука,²² на что был сделан расчет двадцатилетней Александрой Ишимовой (в будущем известной писательницей и издательницей). В январе 1825 г., «прочитав незадолго перед тем книгу о Параше-Сибирячке» (т.е. повесть де Местра), она приехала из города Кемь (Архангельской губернии) в Петербург с целью лично подать государю просьбу ее отца, сосланного в Соловецкий монастырь.

Вместе с братом она отправилась в Царское Село, «любимое местопребывание императора Александра Павловича. <...> Мы слышали, что государю подают просьбу в саду во время прогулки его по тем аллеям, которые и зимою очищались как летом. К нам подходили разные господа, вероятно, полицейские чиновники, и спрашивали, не хотим ли мы подать просьбу государю, и советовали не делать этого, потому что государю это всегда бывает неприятно. <...> Мы так долго ходили, что я начала уже терять надежду на счастливую встречу...» Наконец, они увидели «стройный, почти юношеский стан и прекрасное, полное приветливости лицо государя» (несмотря на то, что «было очень холодно, более 15 градусов», он гулял «без шинели, в одном гвардейском мундире»). Император «не допустил» Ишимову упасть на колени, выслушал ее и сказал: «А! Я не могу принять Вашей просьбы здесь, потому что если я приму у Вас, то мне надобно будет принять у 500. Но вот тут близко есть почтовая контора в Софии, отдайте эту просьбу там, и я получу ее». Когда на следующий день брат Ишимовой отнес пакет в софийскую контору, выяснилось, что император уже трижды посылал за ним. «Через несколько времени объявлено было, что отцу моему вместо Соловецкого монастыря дозволяется жить в городе Архангельске».²³

Цитируемая автобиография писательницы относится к 1875 г., но можно допустить, что обстоятельства свидания Ишимовой с Александром I стали известны ее сочленам по кружку П.А.Плетнева сере-

дины 1830-х гг., где она познакомилась с Пушкиным (адресовавшим ей последнее в своей жизни письмо).²⁴

3

В основных своих чертах 'Парашин текст' сложился как раз к моменту появления другой (и сразу ставшей чрезвычайно популярной) вариации архетипического сюжета 'Путешествие к властелину за правдой/милостью'. Это — роман Вальтер Скотта «Эдинбургская темница» («The Heart of Mid-Lothian», 1818; французский перевод, озаглавленный «La prison d'Edimbourg», — 1821; русский перевод с французского — 1825).

Действие происходит в 1730–1740-х гг. Ради спасения своей сестры, не без оснований осужденной на смертную казнь, Джини Динз, молодая шотландская провинциалка, добирается до Лондона; получив неформальную аудиенцию у жены Георга II, королевы Каролины (благодаря хлопотам герцога Аргайла и в его присутствии), она силой простосердечного красноречия склоняет собеседницу на свою сторону.

Близость сценарных схем «Эдинбургской темницы» и КД²⁵ проявляется во множестве переключек на разных уровнях — мотивном (в Лондоне Джини Динз останавливается у своей заботливой родственницы, которая, однако, узнает о затеянной интриге *post factum*), предметно-топографическом (не сменившая, по рекомендации Аргайла, свое обычную одежду, Джини едет с ним в Ричмонд-парк, любимую резиденцию королевы) и текстуальном, причем вплоть до буквального цитирования: «Our business is, I think, ended for the present <...>, said the Queen»;²⁶ *Государыня <...> сказала с улыбкою: <...> Дело ваше кончено (VIII: 273)*. Еще одна параллель вальтер-скоттовского романа и КД попала в поле зрения совсем недавно.

На пути в Ричмонд-парк Аргайл, не открывая имя будущей собеседницы, прибегает к перифрастическому, но достаточно прозрачному описанию: «I have asked an audience of a lady, whose interest with the king is deservedly very high. <...> You have no occasion to call her any thing but Madam. <...> [A]nd if you can gain her consent, I'll wad ye a plack <идиоматическое выражение, обозначающее твердое обещание>, as we say in the north, that you get the pardon from the king».²⁷

Между тем Джини, смущенную скромностью костюма герцога и самим местом аудиенции («... this is mair like a gentleman's policy than a royal palace»²⁸), не оставляют колебания; даже после разговора с той особой, которую герцог, стоя с непокрытой головой, постоянно именовал «Вашим Величеством» и которая в конце концов назвала себя королевой Каролиной, — девушка обращается к Аргайлу со словами: «And that leddy was the Queen herself? <...> And yet I can hardly believe it, when I heard her speak it herself».²⁹

В этом фрагменте находят «интертекстуальное подтверждение»³⁰ дразнящей гипотезе М.С.Альтмана о том, что Марья Ивановна, внимательно выслушав подробные рассказы Анны Власьевны о распорядке дня Екатерины II, заранее наметила свой маршрут и, появившись ранним утром около памятника в честь побед П.А. Румянцева с уже заготовленным прошением, сразу догадалась, кто была *дама, сидевшая на скамейке*.³¹

Сопоставление соответствующих фрагментов приводит нас к иному выводу. Как кажется, именно отсутствие у Джини Динз абсолютной уверенности в том, что она беседует с королевой, мобилизует ее импровизационные ресурсы — речь девушки, чередующая обращения «Madam» и «my Leddy», уснащается целым набором риторических приемов, более уместных в проповеди, нежели в мольбе, обращенной непосредственно к монарху или его супруге. (Не случайно первая реакция королевы касается не сути поступившей просьбы, а ее оформления: «This is a eloquence».³²) Аналогичным образом рисуется и линия Марьи Ивановны: предупрежденная рассказами Анны Власьевны, она надеется увидеть императрицу на скамейке у памятника Румянцеву; в общении же с *дамой в белом утреннем платье* возникает эффект неполной идентификации, который в решающий момент выведен на поверхность текста:

— *Ах, неправда!* — вскрикнула *Марья Ивановна*.

— *Как неправда!* — *возразила дама, вся встыхнув* (VIII: 372).

Примечания

¹Пушкин. *Полное собрание сочинений* (Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1949), т. XVI, стр. 177–178. Далее все ссылки на это издание (Т. I-

XVI; Л., 1937–1949) даются в скобках после цитаты (римскими цифрами обозначается том, арабскими — страница).

²Как установил Р.В. Овчинников («Записи Пушкина о Шванвичах», *Пушкин. Исследования и материалы*. Том XIV (Ленинград, 1991), стр. 240–245), из всех сюжетных звеньев этого «анекдота» фактическую основу имеет лишь пьяная драка «лейб-кампанца» Александра Шванвича и сержанта Семеновского полка Алексея Орлова. В ходе же следствия и суда по делу Пугачева никто не хлопотал перед императрицей в пользу Михаила Шванвича (приговор, вынесенный ему московской Комиссией, был утвержден без изменений), а граф А.Г. Орлов вообще не имел такой возможности, поскольку в конце 1774 — начале 1775 г. охотился за самозванной княжной Таракановой в Италии.

³Последовательность планов уточнена в статье: Н.Н.Петрунина, «К творческой истории „Капитанской дочки“», *Русская литература*, 1970, № 2, стр. 79–82.

⁴Сопоставление этой новеллы и КД, намеченное еще в дневниковой записи В.К.Кюхельбекера от 23 февраля 1840 г. («Читал я Нев<ский> Альманах на 32 год. <...> Рассказ моей бабушки не выдержит никакого сравнения с бесподобною *Капитанской Дочерью* Пушкина» — «Неизвестные тексты Кюхельбекера в архиве Тынянова. II. Дневниковые записи», публикация А.Д. Зайцева и Е.А.Тоддеса; примеч. А.Л.Осповата и Е.А.Тоддеса, *Тыняновский Сборник. Четвертые Тыняновские чтения*. (Рига, 1990), стр. 260) и аргументированное в неопубликованном докладе Н.О.Лернера в 1933 г., было введено в печатный обиход Ю.Г.Оксманом (со ссылкой на доклад Лернера) в комментариях к пушкинскому собранию в «Academia» — см.: А.С.Пушкин. *Полное собрание сочинений в 6 томах*. Том IV (Москва-Ленинград, 1936), стр. 753. Авторство А.П. Крюкова установлено, независимо друг от друга, Н.И.Фокиным (*Роман А.С. Пушкина „Капитанская дочка“*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1955, стр. 8; «К вопросу об авторе „Рассказа моей бабушки“ А.К.», *Ученые Записки Ленинградского гос. университета*. Серия филолог. Наук, № 261, 1958, стр. 155–163) и Петером Брангом (*Puškin und Krjukov: zur Entstehungsgeschichte der «Kapitanskaja dočka»* (Berlin, 1957), S.17–29; в этой книге дана почти исчерпывающая сводка параллельных мест обоих текстов). Отождествление новеллы Крюкова с оренбургским «анекдотом», упоминаемым в наброске предисловия к КД, см.: Ю.Г.Оксман. *От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника»*. Пушкин — Рылеев-Кольцов — Белинский — Тургенев. *Исследования и материалы* (Саратов: Саратовское книжное издательство, 1959), стр. 41; Н.Н.Петрунина. *Проза Пушкина (пути*

эволюции) (Ленинград: Наука, 1987), стр. 276. Статусом «важнейшего» источника КД наделен «Рассказ моей бабушки» в монографии Пола Дебрецени (см. P. Debreczeny. *The Other Pushkin A Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction* (Stanford: Stanford University Press, 1983), p. 256).

⁵P. Brang. *Op. cit.*, S.18–19.

⁶См.: Ю.Д.Левин, «Неизвестная параллель к «Капитанской дочке» Пушкина», *Россия, Запад, Восток. Встречные течения К 100-летию со дня рождения академика М.П.Алексеева* (С.-Петербург. Наука, 1996), стр. 326–331.

⁷*Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала. Российская новость*, соч. Г.Делаво. Пер. с франц. (Москва, 1808), ч. 1, стр. IV.

⁸Ю.Д.Левин. *Указ соч*, стр.330–331.

⁹Даже в тщательно составленном библиографическом указателе трудов Бакуляра д'Арно, приложенном к двухтомной монографии об этом писателе, не нашлось возможности учесть все прозаические публикации, так что некоторые авторские сборники (в том числе и цитируемый ниже) описаны здесь только по их титульному заголовку — R.L.Dawson. *Baculard d'Arnaud: Life and Prose Fiction (Studies on Voltaire and Eighteenth Century. Vol. 142)* (Banbury, Oxfordshire : Voltaire Foundation, 1976). II, p. 672.

¹⁰<F.T. Baculard d'Arnaud,> *Délassements de l'homme sensible, ou anecdotes diverses*. Tome cinquieme, Dixieme partie (<Paris, 1785>), p. 318–333.

¹¹Связь двух этих сюжетных линий отметил Ю.В.Готье в примечании к публикации послания Блен де Сенмора великой княгине Марии Федоровне от 20 августа 1785 г., где пересказывается «анекдот» Бакуляра д'Арно. См.: *Литературное наследство*. Том 29/30 (Москва, 1937), стр. 236, 238, 256.

¹²См.: Д.Бантыш-Каменский. *Словарь достопамятных людей Русской земли* <...>. В пяти частях (Москва, 1836), ч. III, стр. 222–224; Ив. Вологдин, «Параша-Сибирячка», *Русская Старина*, 1873, № 5, стр. 727.

¹³Ряд первых публикаций на эту тему перечислен в статье: Е.С.Ивашина, «„Путешествие“ как жанр русской литературы конца XVIII — первой трети XIX века (к специфике изучения)», *Культурологические аспекты теории и истории русской литературы* (Москва, 1978), стр. 55, примеч. 14.

¹⁴Прозрачная аллюзия Potowsky — Potocky эксплицирована в примечании к посмертной публикации повести: *Œuvres complètes de M-me Cottin* (Paris, 1823), t. IX, p. 184. 15. *Ibid.*, p. 166–167.

¹⁶Xavier de Maistre. *Nouvelles* (Genève: Slatkine, 1984), p. 216.

¹⁷*Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою* (Москва, 1818), ч. 8, стр. 321–322; *Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою* (Москва, 1819), ч. 8, стр. 323–325; *Русская история, сочиненная*

Сергеем Глинкою. 3-е издание и вновь дополненное (Москва, 1824), ч. 11, стр. 154–155. В последнем издании своего труда Глинка нашел даже нужным ответить критику, пенявшему на несообразность включения этого эпизода в общую историческую панораму: «Описание одних военных подвигов не составляет общей отечественной Истории. И так, руководствуясь правилами древних и новых историков, я упоминать буду о всех деяниях, ознаменованных ревностью к Отечеству и добродетели, не разбирая ни лиц, ни состояний», *Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою*. 3-е издание <...> (Москва, 1823), ч. 7, стр. IV.

¹⁸См.: А.С.Пушкин. *Сочинения. С объяснениями их и сводом отзывов критики*. Издание Л.Поливанова для семьи и школы (Москва, 1887), т. IV, стр. 240; Т.П.Савченкова, «Судьба Параши Луполовой в историко-культурном контексте пушкинской эпохи», *Гуманитарные исследования. Ежегодник* (Омск, 1998), вып. III, ч. I, стр. 91–98; М.А.Тахо-Годи, «„Капитанская дочка“» Пушкина и „Молодая сибирячка“ Ксавье де Местра», *Дарьял №4* (2004). Электронная версия: http://darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml.

¹⁹Это явление, весьма любопытное в целом ряде отношений, никогда не подлежало обследованию. Сколько нам известно, первой из тех, кого вдохновил прецедент, созданный Прасковьей Луполовой, была ее тезка — «девица Прасковья Савченкова». В конце 1808 или начале 1809 г. она явилась «пешком из Сибири» в Петербург «для исходатайствования свободы отцу ее»; «в знак благоволения к сему ее подвигу» император повел возвратить «оного Савченка на прежнее жительство» (Князь А.В. Лобанов-Ростовский, «Повеления Александра I — князю Алексею Борисовичу Куракину», *Русская Старина*, 1877, № 12, стр. 672.

²⁰Федор Глинка. *Письма к Другу, содержащие в себе: Замечания, мысли и рассуждения о разных предметах* <...> (С.-Петербург, 1816), ч. I, стр. 111–113. Указав на этот текст, М.В.Строганов («Из комментариев к „Евгению Онегину“ и „Капитанской дочке“», *А.С.Пушкин и русская литература* (Калинин, 1983), стр. 129–130) поспешил объявить его основным источником пушкинских сведений о Прасковье Луполовой.

²¹П.Сумароков. *Обозрения царствования и свойств Екатерины Великия* (С.-Петербург, 1832), ч. II, стр. 84–85.

²²См., напр., в мемуарах Софи Шуазель-Гуфье (*Державный Сфинкс*. Евграф Комаровский; Роксандра Эдлинг; София Шуазель-Гуфье; Петр Вяземский (Москва, 1999), стр. 362–363, 366) и в воспоминаниях лекаря Александра I Д.К.Тарасова (*Русская Старина*, 1871, № 12, стр. 637–638).

²³Е.В.Чистякова, «Автобиография А.О.Ишимовой», *Археографический ежегодник на 1998 год* (Москва, 1999), стр. 366–367. Ср. рассказ «Лучший

вечер моей жизни» (подпись: *И Ал. . .*, помета: 4 генв. 1826): повествователь, ставший «преступником законов», получил смягчение приговора после того, как жена его брата отправилась в Царское Село; «... она пала к ногам Его. Ласково поднял ее кроткий монарх... милостиво слушал прошение — вдруг подходит лебедь и ласкается к улыбающемуся Самодержцу. — И он вместе с вами, — говорил Александр, как бы удивляясь сему единственному случаю. — Не плачьте же; я не могу видеть слез, молитесь Богу и будьте спокойны!» — *Подснежник на 1830 год* (С.-Петербург, 1830), стр. 45–46.

²⁴Параллель рассказа Ишимовой и соответствующего фрагмента из главы XIV КД дополнительно подсвечена мотивом почтового двора в Софии. 25. «The two scenes have too much in common to leave it in doubt that the Scott episode was Pushkin's model in unusually deliberate and immediate way» — D.Davie. *The Heyday of Sir Walter Scott* (London: Routledge & Paul, 1961), p. 14. Впервые эта параллель была отмечена еще в 1875 г. в рецензии на английский перевод КД. См.: P.Debreczeny. *Op cit.*, p. 331, note 35.

²⁶*The Waverley Novels by Sir Walter Scott* (New York, 1875). Vol. 12, p. 218–219.

²⁷*Ibid*, p. 195–196.

²⁸*Ibid.*, p. 200.

²⁹*Ibid.*, p. 221. Курсив в подлиннике.

³⁰А.К.Жолковский, «Очные ставки с властителем: Из истории одной „пушкинской“ парадигмы», *Пушкинская конференция в Стэнфорде (1999). Материалы и исследования* (Москва: О.Г.И., 2001), стр. 379.

³¹См.: М.С.Альтман, «Читая Пушкина», *Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова* (Ленинград: Наука, 1971), стр.117–118.

³²*The Waverley Novels by Sir Walter Scott*. Vol. 12, p. 218.

The Real Life of Pierre Delalande

Studies in Russian and Comparative Literature
to Honor Alexander Dolinin

Edited by
David M. Bethea
Lazar Fleishman
Alexander Ospovat

PART 1

Stanford, 2007